

Глава 30. То, что погубит мир

— Да, то, что надо, — голос Нуллы кажется довольным, — твой рассказ был закончен именно так. Мы сняли ещё один слой, но это не всё, должна быть другая концовка, объясняющая, что произошло с твоей командой.

— Не надо, — шёпот Умы доходит до организатора.

— Почему нет? Позволим леди узнать, что здесь произошло, позволим разобраться в происходящем...

— Довольно...

— Ума, о чём он говорит?

— Действительно, о чём я говорю? Хватит тайн, Ума, больше правды, больше...

Два часа назад...

— Очень смешно, ну прям очень...

— Ладно, — Тесса пытается отдышаться, — давайте обсудим варианты, как-никак время у нас ещё есть.

Товарищи прячут оружие и садятся на пол, чтобы спокойно приступить к обсуждению. Первым решает высказаться Ума, задавая темп и тон разговора.

— Изначально нужно разобраться: будем ли мы исходить из того, что организатор говорит правду, или стоит рассматривать его слова как злую шутку?

— Возможно, что если мы будем руководиться нижайшими принципами, то наш выбор окажется роковым, — никогда ещё голос Ким не был таким печальным.

— Давайте протянем логическую цепочку с первого дня испытаний, — предлагает Док, — в первый день мы сообща дали отпор дроидам...

— Боюсь, логика тут не поможет, — угрюмо бубнит сидящая на плече авинца фея, — в первый день нас просто отсеивали.

— Второй день можно назвать как оценкой нашей командной работы, так и индивидуальной.

— А если посмотреть под правильным углом, то нам просто пытались преподать один единственный урок...

— Какой? — уже зная ответ, спрашивает помрачневший врач.

— Объединяются...

— ...только... — подхватывает Ума.

— ...слабаки. — Завершает мысль Кун...

Нулла останавливает трансляцию событий двухчасовой давности. На одном из экранов так и застыла картинка сидящих в кругу участников. Девушка-психотерапевт до конца не может понять происходящего, однако благоразумно молчит. Ума мрачнеет и, садясь обратно в кресло, позволяет взгляду говорить больше него самого.

— Ну же, — не унимается организатор, — расскажешь, что там произошло, или мы будем смотреть второсортную трансляцию?

— Я закончу свою историю... — глухо отвечает монах.

— Наконец-то! Только не затягивай, меня от твоих пауз в сон клонит. Сделаем так: каждая пауза в речи — возобновление трансляции! Совместим эти два события и посмотрим, какое из них разочарует твою подружку больше!

— Прежде чем ты услышишь, как на самом деле закончился кризис моей истории — помни: мой лучший, единственный и самый дорогой друг всегда был лучше меня. С самого начала он был на шаг впереди, опережая меня на многие месяцы тренировок, он стал недостижимой целью, соперником, которого мне было не победить...

Сдерживаемый смех воем вырвался из лёгких, когда Ума пустил в полёт последнюю стрелу. Все пираты были мертвы. Игра закончилась. С лёгким разочарованием жнец спускается с крыши и направляется к одному из тел, к труп с пультом управления. Нужно было освободить жителей от бессмысленных мучений. Нужно было завершить свой подвиг.

С каждым шагом жнец теряет свою власть над телом, погружается куда-то вглубь или делает вид, что погружается, чтобы юноша тоже смог насладиться моментом. Каждый шаг возвращал осознание каждого убитого им человека. Лица, спящие лица, клинок, что с чавканьем погружается в...

Парнишка закашлялся, его мутило, спасало только то, что живот уже был пуст. Нужно было поскорее закончить, переживания — после. Подходя к нужному телу, Ума скорее почувствовал, чем заметил силуэт позади себя. Понимание пришло быстро, достаточно быстро, чтобы отточенным движением худший из учеников смог снизить урон от полученного удара...

Они пережили бойню с армадой короля пиратов, они оторвались от преследования космического дозора, они терпели голод и лишения, только чтобы умереть от рук пятнадцатилетнего психа... Последний из команды пиратов стоял над убийцей своих друзей. Это должно было закончиться красиво. Пират позволил мальчишке встать, позволил занять стойку. У одного — лук без стрел и кинжал, у другого — кривой меч. У одного было безумие, рождённое страхом и внушением, у другого — опыт и гнев. Один просто хотел выжить, другой — мучить противника, пока все его близкие не изжарятся под напряжением усмирителей.

Жнец видит новую игрушку и возвращается в улыбке юнца. Жнец не чувствует страха, и это позволяет противнику без труда сбить его с ног. Пират слишком превосходит ученика без манер, пират заносит меч для последнего удара...

— Объединяются...

— ...только... — подхватывает Ума.

— ...слабаки. — Завершает мысль Кун...

Минута молчания, чтобы каждый осознал, что это может значить. Ещё минута, чтобы каждый успел сформировать собственную теорию происходящего.

— Можно я? — поднимает руку Тесса. — Можно я? Можно? Я всё же буду придерживаться самого банального варианта: все эти условия — проверка команды, если мы убьём капитана, то нам не жить.

— Но если капитана не убивать, то это безумие продолжится. И, боюсь, продолжаться оно будет, пока мы не потеряем половину команды.

— Ты не можешь этого знать, — Ким судорожно пытается вернуть позитив, — нас же не просят жертвовать собой ради капитана, мы просто должны в него поверить.

— Ни за что, — хрипит Кун, — важно не то, какой выбор мы сделаем, важно: что за этим последует. Какие вы видите варианты развития событий?

— Десятый уровень должен выявить сильнейшую команду новичков. Учитывая, что организатор против командной игры — в лучшем случае нас стравят с другими командами, в худшем — битва будет происходить между капитанами, где на кону будут наши жизни. Мы можем умирать и по одному, а можем и все сразу, но сути это не изменит — выживут сильнейшие.

— Согласен, — кивает Док, — не стоит рассчитывать на счастливый конец. Быть может суть этого испытания не в том, доверим ли мы свои жизни капитану, а в том, кто из команды умрёт. Быть может, Уме придётся выбирать, кто из нас погибнет, чтобы другие жили, вдруг если он выйдет из этой комнаты, то пожертвовать собой уже не сможет.

— Слишком много вариантов, — вздыхает Ким, — вы не можете знать, что произойдёт, и сами себя накручиваете.

— Как по мне, так всё просто, — смеётся Ума, — это испытание не подходит нашей команде. Потому что не я капитан команды, даже если она названа моим именем. Капитан — каждый из нас, и потому мы такая отвратная команда. Судья озвучил только одно правило, а если он что-то не озвучил, то это можно воспринимать как нечто дозволенное правилами...

— К чему ты клонишь? — Тесса чувствует тревогу.

— А что, если я, как капитан, сниму с себя обязанности и назначу нового капитана?

Проходит секунда, прежде чем Кун успевает сжать рукоять своего клинка, но этой секунды достаточно, чтобы Винсент успел вскочить, и приставить пистолет к чисто выбритой голове хантера. Второй пистолет авинец наводит на Уму.

— Спокойно, мы ещё не обсудили все варианты.

— Сейчас начнётся настоящий разговор, — со странным блеском в глазах констатирует монах...

Жнец видит новую игрушку и возвращается в улыбке юнца. Жнец не чувствует страха, и это позволяет противнику без труда сбить его с ног. Пират слишком превосходит ученика без манер, пират заносит меч для последнего удара...

Клинок меняет направление, чтобы со звоном отбить пущенную в корсара стрелу. Ума был спасён...

Там, в лесу, он оглушил своего лучшего друга, чтобы взвалить на себя всю тяжесть необходимого греха, и сейчас, тут, в центре деревни лучший из учеников готов преступить черту, чтобы спасти уже своего лучшего друга.

Он прикрывал Уму, пуская стрелу за стрелой, отвлекал пирата, позволяя жнецу сражаться на равных...

Клинки отбрасывают блики под ночным освещением, стоны и вздохи заглушают завывания заложников, стрелы шепчут, однако враг умудряется их услышать. Лук трещит под очередным ударом и разваливается на части. Меч проходит над самой головой. Ума пытается подрезать ногу. Пират уходит от комбинированной атаки. Жнец счастлив, жнец на пороге эйфории. Танец втроём с превосходящим по силе противником дарил ему гораздо больше, чем любая тренировка...

Свист, звон, блеск, вздох, порез, боль, свист, удар...

Он должен был убить врага, должен был забрать его силу, он, ступенька за ступенькой, приближался к тому уровню силы, что могла превзойти...

Внезапно пират застыл, и жнец вонзил кинжал в живот врага... живот уже мёртвого человека. Корсар не успел уклониться от последней пущенной стрелы, что так ужасно торчала у него из затылка... добыча погибла слишком рано... игрушку сломал не он... сила ушла...

Выл Жнец. Выл Ума. Он уже сам не знал кто в нём рождал этот вой от разочарования раз за разом втыкая нож в не оправдавший надежд кусок мяса...

Проходит секунда, прежде чем Кун успевает сжать рукоять своего клинка, но этой секунды достаточно, чтобы Винсент успел вскочить, и приставить пистолет к чисто выбритой голове хантера. Второй пистолет авинец наводит на Уму.

— Спокойно, мы ещё не обсудили все варианты.

— Сейчас начнётся настоящий разговор, — со странным блеском в глазах констатирует монах.

— Что вы творите? — ахает Тесса, — прекратите сейчас же!

— Странно, что именно ты пытаешься сохранить мир, Тес, ведь у тебя больше всего причин желать мне смерти.

— Заткнись!

— Такая идеальная возможность, никто тебя не осудит.

— Чего ты добиваешься? Хочешь выстроить себе жертвенный алтарь?

— Отнюдь, — улыбается змей, — о жертвенности тут не может быть и речи. Вы даже не даёте мне поговорить с программой о передаче капитанской должности.

— Ты хочешь закончить всё здесь и сейчас... — мрачно констатирует Док.

— Возможно, почему бы и нет. Зачем тянуть резину, если, в конечном счёте, кому-то придётся

умереть.

— Ты уверен, что именно ты сможешь выжить? — Тесса фиксирует боевые перчатки без намёка на бывшее миролюбие. — Ты уверен, что среди нас именно ты наиболее опасен?

— Знаешь, я об этом как-то и не подумал...

— Сколько времени ты потратил только на восстановление после турнира? Ты хотя бы смог вернуть себе уровень времён чемпионата? Даже не буду спрашивать: стал ли ты с тех пор сильнее. Ты уверен, что сейчас сможешь победить меня? Уверен, что сможешь одолеть Куна? Помнится, в прошлый раз он сражался не в полную силу...

— Отличный настрой, Тес — давай проверим. Посмотрите, что мы имеем в итоге. Фальшивый капитан, что не собирается умирать даже ценой ваших жизней. Наёмник, который итак пожертвовал многим, ради команды. Сломленный хантер, нежелающий нам навредить, чего не скажешь о звере, что сидит у него внутри. Две подружки, одна из которых не хочет убивать, несмотря на то, что может, а другая хочет, но не может себя заставить. И врач, что не вынесет смерти любого из нас. Кто сделает свой ход? Кто первым признает, что дружба между нами — лишь иллюзия? Я бы мог, но хочу дать шанс остальным: признайте, что в вашей жизни нет особого смысла, или боритесь назло мне. Вы и вправду думали, что наши алкогольные похождения симптом хорошей жизни? Я терпел не один раз, надеясь, что вы перестанете себя жалеть, но нет: как бы я не пытался вынудить вас ощутить радость безумства жизненного сюжета — вы неустанно придерживались тенденции подчинения своим чувствам. Вы можете быть сильнее меня физически, но это не изменит факта, что вы — жалкие слабаки. Вы так и не поняли правил, что понял я. Поэтому, Винс, ты больше не обязан играть в дружбу: у тебя явно есть цель, к которой ты стремишься. Не сомневайся в себе — это приказ твоего капитана. Приказ всем вам: не сомневайтесь, не отступайте — пусть выживет сильнейший! Кун не позволит убить меня: он слишком благороден. Док и Ким тоже будут не в восторге, да и я захочу насладиться этим моментом сполна. Вот он — худший вариант развития событий, где мы поубиваем друг друга. Но ничего, меня такая концовка устраивает. Давайте, делайте свой выбор! Не стоит полагаться на милосердие психопата в маске, пусть каждый силой вырвет своё право на жизнь!

— Нет! — кричит Ким.

Винсент стреляет в упор по Куну. Голову хантера отбрасывает, он заваливается, и вот уже на полу лежит бессознательное тело кросса... Струйка крови стекает по начисто выбритой голове.

Второй выстрел — в монаха, почти одновременно с первым. Ума умудряется припасть к земле и избежать попадания. Звук пули, сталкивающейся со стеной, рождает дрожь.

Авинец не намерен останавливаться, снайпер стреляет в третий раз, зная, что капитану не уклониться. Тесса хватает дуло оружия, гася выстрел и спасая монаха. Похожая на протез рука в перчатке сминает ствол и лишает авинца излюбленной игрушки.

— Не смей! — кричит она, — я с ним разберусь!

Винсент и Тесса одновременно уклоняются от брошенных в них игл. Ким скользит по полу, уходя от пули и приближаясь на выгодную для себя дистанцию. Растерявшийся Док наконец-то вскакивает, только чтобы двойной выстрел в грудь отбросил его обратно на пол. Врач задыхается, с приходящей обречённостью от знания точного количества секунд до потери сознания...

Ума стоит, он ждёт, пока Тесса размахнётся и обрушит на него всю мощь своего удара. Ким удаётся ранить Винсента — спица торчит из плеча, парализуя руку и уравнивая шансы товарищей в бою...

Выл жнец. Выл Ума. Он уже сам не знал кто в нём рождал этот вой, от разочарования раз за разом втыкая нож в не оправдавший надежд кусок мяса. Парень кромсал труп, пока не заметил его. Того, кто украл главный момент битвы — лучший друг бежал к окружённому трупами собрату, чтобы помочь. Нет, помочь он собирался во вторую очередь. Сначала ему нужно было освободить всех, нужно было спасти...

Бесконечные часы тренировок, сотни спаррингов, сотни проигрышей. Всегда на шаг позади, всегда слабее, всегда...

Жнец скулит, жнец хватается за голову. Жнец должен закончить эту игру, забрать силу, забрать звание лучшего из учеников...

Друг уже близко, так близок к тому, чтобы отключить усмирители. Нет. Не дать ему этого сделать. Пусть всё решится здесь и сейчас, пусть лучший станет спасителем — это будет последний бой, схватка, приправленная безумием пси-воздействия лучшего из учителей.

Ума смеётся, хватает кинжал и бросается на дорогого ему человека...

Монах раз за разом избегает касаний смерти. Искусство четвёртое — имитация, стиль: примат. Тесса помнила базовую подготовку друга, слишком хорошо знала обычные движения змея девяти искусств, и только непривычная непредсказуемость обезьяньих выпадов могла лишить девушку чувства контроля. Смех, неловкие уклоны, падения, прыжки — всё это сбивает с толку и не даёт рассуждать здраво.

Винсент стреляет, Ким разворотом тела избегает попадания, и пятка девушки достаёт голову стрелка. Удар заставляет авинца пошатнуться, повязка слетает с его головы. Ким завершает комбинацию ударом спицы... взгляд девушки сталкивается с пустыми глазами врага — остриё иглы в нерешительности застывает перед лицом друга. Винсент пользуется заминкой и стреляет в упор. Девушка успевает выгнуться, чувствует обжигающее касание пули, еле сдерживает крик и из невероятно неудобного положения выбивает ногой пистолет. Снайпер уклоняется от порции игл и, пока противница эластично встаёт на ноги, успевает перехватить падающее оружие...

Клинок в руках паренька ловит отблески свечений, жнец сбивает дыхание, неспособный удержать свой смех. Его друг, отклоняя удары и стараясь остаться в живых, пытается что-то говорить. Бесполезно. Удары, выщербленные тренировками, создают последовательность движений длиной в целое произведение. Борьба, броски, уклоны, прыжки и удары — столь похожие движения сталкиваются друг с другом и становятся чужими. Выронить кинжал, отбросить собрата, подобрать кинжал и ринуться в атаку. Порезать, упасть, вскочить, выплюнуть зуб, атаковать. Уклониться, ударить головой, разорвать захват, полоснуть... мимо...

Два силуэта, две воли одного учения продолжали истязать друг друга и самих себя, окончательно запутавшись в желаниях и ограничениях собственного разума. Силы иссякали, боль усиливалась, крики родных становились всё громче...

Чудовищные удары проходят мимо, оставляя в полу и стенах неестественные вмятины, юноша продолжает смеяться, как ни в чём не бывало, его игривый взгляд доводит пантеру до бешенства: он ведь даже не пытается сражаться, а отсутствие ответных действий лучше любого оскорбления выводят девушку из себя. Тесса скидывает руки, и из ладоней бьёт

волновое излучение. Искусство первое — танец ветра: Ума взлетает, избегая попадания и приземляясь позади подруги. Девушка не сдаётся и не глядя инстинктивно ударяет по врагу. Удар уходит в пустоту, однако наручи выстреливают иглами со снотворным. Искусство седьмое — мускульные метаморфозы, техника струнных мышц. Монах напрягается, и иглы отскакивают, не способные пробить кожу. Пантера рычит, пантера бьёт кулаком по полу, пуская секундный заряд, способный убить человека. Юноша прыгает, используя инерцию, чтобы во вращении ударить по нахалке. Псевдо-доспех без особых усилий блокирует удар ноги и отбрасывает Уму к стене. Индикаторы меняют цвет с синего на оранжевый: в перчатках осталось половина заряда — нужно было спешить.

Ким и Винсент сошлись в рукопашной. Девушка то и дело пытается обезоружить снайпера, а авинец стреляет при каждом удобном случае. В какой-то момент Ким срывает с себя кимоно и использует его как оружие. Оставаясь в удобных шароварах и блузке, защитница становится быстрее. Сжимая в зубах край разорванного наряда, девушка кружится и, вынуждая противника отступить, безостановочно бьёт порхающими в руках спицами. Винсент ловит удачный момент, и ствол орудия на секунду упирается в лоб подруги. Уклониться — бесшумный выстрел колеблет растрёпанные волосы. Ударить в ответ...

Завывания жителей деревни становятся невыносимы. Бессмысленные страдания омрачают происходящее, окрашивая картину в серые тона... Жнец продолжает отчаянно атаковать, инстинктивно понимая, что его тело на пределе и больше не способно выдерживать этот безумный темп. Друг мог воспользоваться преимуществом, однако ему было не до того: крики оглушают. Лучший из учеников отбрасывает безумца, и бросается к пульта. Ума прыгает наперерез. Рука хватает браслет-пульт. Кинжал находит свою цель...

Осознание приходит вместе с тишиной. Ума... полностью Ума смотрит на деяние своих рук. Парень пытается заглушить боль заклятием самого себя, хочет смыть происходящее слезами, готов поверить в любого из богов... Рука умирающего друга сжимает руку своего собрата. Он не зол, не разочарован, друг не допускает мысли винить Уму. Боль не позволяет ничего сказать, однако за болью идёт умиротворение. Это видно в глазах: он успел, он спас всех. Кажется, он даже не понимает, что рядом плачет его убийца...

Тесса атакует, отбросив последние сомнения, Ума движется навстречу удару, способному превратить монаха в кровавую лужу. Они оба пытаются прочесть движения друг друга, и оба меняют направление, только чтобы поставить всё на собственные умения. Удар. Ума разворачивается по направлению удара, почти касаясь обшитой металлом руки. Излучение бьёт по мозгам. Монах видит летящий навстречу пол — монах приходит в себя. Широкий шаг превращает падение в атаку. Тесса бьёт на опережение. «Он не успеет приблизиться, не успеет...» Искусство девятое — космическая длань, техника внутреннего кулака. Силуэты сошлись. Проникающий удар — Тесса сгибается, окрашивая пол кровавой рвотой. Искусство девятое — космическая длань, поклон маленького цветка. Ладонь сталкивается с головой, кровь заливает глаза, нос и уши, пока Тесса затихает на полу.

Парализованная рука авинца приходит в движение, когда ему удаётся вытащить иглу из плеча. Ким бросает спицу, Винсент уходит в прыжке, попутно выхватывая из-за пазухи небольшую пластинку. Стрелок подбрасывает приспособление. Вспышка. Вспышка. Вспышка. Зрячие теряются в белизне света.

— Мне жаль...

Выстрел в голову — Ким падает на пол. Остался ещё один. Остался только Ума. Монах смеётся, понимая, что где-то рядом слепой снайпер собирает его пристрелить. Набрать воздуха.

Искусство седьмое — мускульные метаморфозы, глас смерти. Ума кричит. Кричит необычно: со всей силой лёгких, всей силой внутренних мышц и связок. Противный, давящий на психику крик лишает способности жить. Ужасный звук стирает тебя из реальности, не давая возможности сопротивляться. Авинец глохнет, авинец больше не «видит». Винсент стреляет наугад, не зная: достигают ли своей цели пули.

Эффект от вспышки должен был пройти через восемь секунд. Эффект от крика — через шесть. Стрелять, стрелять пока не вернётся «облако». Стрелять, пока жёсткое тело монаха не сойдёт с ног, не выбьет пистолет, вынуждая двух слепцов погрузиться в анархию борьбы. Бессмысленной борьбы, что прекратится, когда Змей сломает авинцу позвоночник...

На экранах Ума некоторое время приходит в себя. Встаёт, чтобы перетащить тела к противоположной от входа стене. Усаживает бывших друзей, пристёгивает их, прощается... И проходит в открывшийся дверной проём, в вестибюль, где его уже ждут остальные капитаны...

Молчит юноша, молчит его бесценный психотерапевт, даже молчит организатор всего кошмара. Пальцы Нуллы выстукивают по столу невнятную дробь, маска не может определиться: какую из эмоций выбрать. Наконец, судью утомляют молчаливые раздумья, и он решает продолжить:

— Ну, это многое объясняет. Ах, простите, миледи, это многое объясняет для меня. Теперь, если провести параллель между юношеской травмой и тем, что произошло здесь, можно найти причину всех решений вашего пациента. Тем не менее, у меня остался лишь один вопрос, вызванный моей запредельной наблюдательностью...

Ума внезапно хватается за голову, стонет, прерывая организатора и не позволяя тому закончить свою мысль. Юноша собирается вытащить из себя слова, что не мог озвучить долгие годы:

— Он был лучше меня, всегда лучше, чем я, но он не смог убить меня даже ради себя. А я сжимал рукоять, когда очнулся, я не мог осознать содеянного, а он умирал с лезвием в своём животе... — Ума запнулся, и было не понять, притворяется он, или же ему и в самом деле трудно продолжать, — ах, подумать только: он таки смог освободить всех жителей от злосчастных ошейников. И это когда я пытался его убить...

— Что ж, — вмешивается организатор, — с этим мы разобрались...

— А все вокруг видели, как я это сделал, и ужас в их глазах...

— Эта история когда-нибудь закончиться?

— ...не знаю зачем, но я взял его умирающее тело на руки и понёс в уже ненавистное для нас место. Я нёсся по лесу во мраке ночи, но ни разу не споткнулся, ведь ценность моей ноши нельзя было переоценить. Корабль-наставник молча впустил нас внутрь, и я отнёс результат моего величайшего греха в операционную, чтобы механические щупальца микрохирургии боролись за жизнь лучшего из учеников, в то время как мне, худшему из учеников оставалось только дожидаться смерти своего дорогого друга...

— Таким образом, ты убил своего друга, — подытоживает человек в белом костюме, — теперь, когда мы дошли до главного поворотного поворота твоей истории, я бы не прочь разобраться с последним из вопросов.

— Не думал, что Вы так нетерпеливы...

Монах внезапно меняет линию поведения, превращаясь из раскаявшегося сломленного человека в привычно нахальное чудовище. Ума вовсю зевает, пока маска сидящего в кресле мужчины собирается расплакаться, а терапевт, как и всегда, не выказывает эмоций: она слушает открыто и внимательно, и ни один мускул не дрогнул на её лице, взгляд не помутился, понимание не сменилось отчуждением. Организатор берёт своё слово:

— Ты нарушил правила, Ума Алактум, и жив ты лишь потому, что мне хочется узнать причину столь противоречивой связи между столь различными людьми. Больной и терапевт — почти романтично. В чём подвох, деревенский мальчик? Что я упустил, чтобы не понять природу ваших отношений?

— И это всё, что Вас интересует? Как уныло. Ну да что там, похоже, пришло время сказать правду. Солнце, — юноша обращается к изображению девушки. — Говоря о том, каким образом судьба могла нас связать вместе, я целенаправленно рассказывал о нападении пиратов на нашу планету, потому что только благодаря этому мы и познакомились. Ведь в тот период времени, пока я скрывался от ответственности за убийство, и пока мой наставник не переправил меня в другую систему, Тетра-Виа направила группу волонтеров для оказания помощи пострадавшим от нападения. И ты была среди них, вкладывая всю себя в оказании помощи детям, ты была лекарством от тьмы внешнего мира: внушая им чувство безопасности, ты вытесняла их страх надеждой и верой в завтрашний день. Я помню, как увидел тебя впервые: несмотря на то, что мне так и не были выдвинуты обвинения, я не желал показываться на людях и одним вечером прокрался обратно в родной город. Тогда я и увидел тебя. Ты рассказывала детям сказку, усадив их вокруг костра. По моим воспоминаниям ты была прекрасней, чем это было на самом деле. И, конечно же, я, пятнадцатилетний юнец влюбился, наблюдая, как ты чинишь детские сердца. Ты была немногим старше меня, и я мог себе это позволить. Утопая в собственной тьме, я видел в тебе единственный луч света. И я убедил себя в этом, когда позже смог с тобой поговорить. Звёзды, ты думала, что меня гнетёт пережитое, хотя меня сжигало будущее без того, что я уже считал частью самого себя. Я никогда не говорил тебе правду, но ты умудрялась давать мне советы. И тогда, восемь лет назад, я воспользовался твоим советом сохранить в своём сердце то, что было мне так дорого. После произошедшего я больше не считал себя умным. Я признал, что я всего лишь идиот, и больше не был намерен обманывать мир, касательно этого вопроса... я хотел на протяжении всех оставшихся лет нести в себе лучшую часть моего умершего друга... Лёгкость, непринуждённость, ребячество. Ах, как я мог раньше считать это проявлением слабости? На протяжении следующих лет я продолжал поддерживать с тобой связь, но ни разу не говорил, что я к тебе испытывал... Не мог... Говорить правду как делал это ОН, я так и не научился...

Молчание. Никто не спешит говорить, ни человек скрывающий своё лицо, ни девушка, понимающе опустившая веки. Просто это было ещё не всё. Слушатели понимали это и дали возможность рассказчику самому закончить своё повествование.

— Красивая история, вы так не считаете? Прямо о любви. Но согласитесь: глупо было бы верить в то, что юношеская влюблённость смогла самостоятельно развиться в нечто большее. Остаётся только понять, что на самом деле представляет собой вся эта ситуация. Солнце, я говорил, что так и не признался тебе в своих чувствах. Думаю, у меня были на то причины. Я что-то испытывал к тебе только потому, что хотел испытывать что-то к кому-либо. Ты была лучшим кандидатом: такая светлая, правильная, о, этот неизвестный мне вид силы, что так и струиться в твоих глазах. Я просто испытывал болезненное удовольствие, представляя, что являюсь персонажем сюжета о безответной любви. Вы даже не представляете... Я не пытался играть с тобой, ничего такого. Я делал всё только для себя. Доказать, что я могу что-то

чувствовать. Безостановочно разыгрывать раскаяние на приёме у психотерапевта, только потому что не хочу перед самим собой выглядеть тем, кем я и стал... Я оставил в своём сердце место для любви только через поддерживаемый моей ложью образ ТЕБЯ. Потому что сложно будет разлюбить того, кто является недостижимой мечтой. Я продолжаю любить тебя на всякий случай, как возможное решение. Даже пытался рассказать о себе больше, чем кто-либо должен был знать. И всё это чтобы был в этом мире человек, способный меня остановить. Кому я не смогу причинить вред. Кто сможет вернуть меня, даже пройди я точку невозврата...

Снова тишина. Но на этот раз всё по-другому: кресло скрипит, когда мужчина увлечённо наклоняется вперёд, Ума как по учебнику отводит взгляд в сторону, а девушка собирается что-то сказать, что-то важное, способное...

Нулла, щёлкнув пальцами, прерывает трансляцию, оставляя юношу без ответа.

— Полагаю, — говорит организатор, — будет лучше, если она сейчас ничего тебе не ответит.

— Возможно, — уже безразлично соглашается монах.

— К тому же, она услышала всё, что должна была от тебя услышать. Остальное не для её ушей.

— Возможно, — голос участника становится более звонким.

— А теперь выслушай меня внимательно, Ума Алактум, потому что от этого зависит твоя дальнейшая судьба...

«Меня зовут доктор Нулла Зильбейц, я являюсь главврачом клиники «Духовное начало». И наконец-то я рад объявить, что ты готов узнать правду... Вот уже восемь лет ты находишься у нас на лечении. В пятнадцать лет ты стал свидетелем смерти своего друга, и это травмировало тебя настолько, что ты создал реальность, где ты сам стал виновником его смерти. Чувство вины и бессилия заставили тебя поверить в таинственного учителя, что тратил время на твои тренировки. Эта фантазия позволяла чувствовать себя особенным, даже больше, чем просто человеком. Но тебе нужна была и причина тренировок, поэтому ты и придумал Синтраж. Ума, в Бездне нет такой системы, нет ассоциации, способной вопреки лиге прав человека проводить подобные мероприятия. Ты никогда не был в академии боевых искусств, те два года ты провёл в лечебнице для несовершеннолетних. Там ты и познакомился с Тессой... пока она не покончила жизнь самоубийством.

Всё это время ты находился в иллюзии невероятного приключения, создавал вымышленных товарищей, что являются лишь проекцией твоих характеристик, и наслаждался прохождением невозможных испытаний. До сего дня. Я взял на себя смелость провести рискованный эксперимент, в котором выживет только одна из твоих масок. К сожалению, выжила не лучшая из твоих сторон, однако ты, наконец, смог открыться моему ассистенту: доктору Квин Сайл, что проводила с тобой сеансы на протяжении последних лет. Боюсь представить, что тебе пришлось пережить, однако по большей части ты находился в палате, в безопасности. Ты не убийца, Ума, ты просто болен. И теперь, когда ты узнал правду, позволь тебе помочь. Позволь твоим родителям снова увидеть своего сына...»

— ...позволь твоим родителям снова увидеть своего сына...

В офис входит мужчина чуть старше пятидесяти лет. Молодой, по меркам Бездны, однако вокруг глаз уже образовались неестественные морщины, сами же глаза переполнены смесью горечи и надежды, готовой преобразиться потоком слёз.

— П... отец? — не веря своим глазам шепчет Ума.

— Ума, мне так жаль, — и мужчина бросается обнять сына, мужчина плачет, не стесняясь момента слабости, — мы так скучали, но доктор Нулла не мог позволить личной встречи. Космо, как же я рад, что тебе стало лучше...

— Папа...

— Не надо слов, парень, всё будет хо...

Слова отца комом застревают у него в горле, когда кулак сына с хрустом пробивает грудную клетку. Пальцы монаха прорывают заслон из кожи и рубашки, чтобы схватить тёплый пульсирующий комок и вырвать родительское сердце. Мужчина падает на пол. Ума стоит, держа в руках ещё трепещущий механизм жизни.

— Что... — в ужасе запинается доктор Нулла, но заканчивает вопрос совершенно спокойно, — что не так?

— Доктор Нулла Зильбейц? Ты серьёзно? Доктор Квин Сайл? Я должен был в это поверить?

Юноша смотрит на ладонь, что уже не чувствует тепла. Нет крови, нет сердца, нет тела убитого родителя. Нет, и никогда не было...

— Пси-внушение? — спрашивает Ума.

— Нет, — вальяжно отвечает организатор, — обычное внушение, гипноз. Молодёжь в наше время даже не поймёт разницы...

— Ты и правда, думал, что я не смогу отличить реальность от иллюзии?

— Не будь таким строгим, я же импровизировал.

— Зачем?

— Хотел узнать, в чём истинная причина твоего общения с терапевтом. Ты можешь попытаться обмануть её, можешь притвориться, что обманул себя, но меня тебе не обмануть. — Маска начинает смеяться, — Ума, Ума, Ума, Ума... Ах, как умело ты скрываешь правду под слоями другой правды. И не придерёшься. Знаешь: мне даже стало интересно. Столько вопросов, столько неясности. Сюжет между вами должен дойти до своей развязки, и я хотел бы увидеть, кто же выйдет победителем...

— Мне кажется, или звучит так, будто ты можешь этого не увидеть?

— Всё может быть, малыш Ума, я ещё не решил: разочарован я вами, или нет. Придерживайтесь вы правил с самого начала, и мы бы получили незабываемое зрелище. Знал бы ты, какие соперники могли тебе достаться...

Мужчина делает взмах рукой, и все транслирующие устройства преобразуются в один, готовые показать большую целостную картинку.

— Ты только посмотри на мои любимые моменты вчерашнего дня... Вот. Квентин Наборе, паренёк из ниоткуда, воспитанный вольными корсарами. Собрал таких же жертв заброшенных колоний, и натренировал их, чтобы подчинить себе свалку мира, прекратить насилие в местах, где и жизни по документам быть не должно. Наверно, он думает, что первый хочет дать отпор диктаторам давно забытых законами мест. Будучи офицерами нобилити они, возможно, смогут воплотить свою мечту и подмять под себя заброшенные колонии. Довольно быстро дошли до десятого уровня, ты даже не представляешь...

Участник Квентин находился посреди комнаты, с десятками закрытых люков в полу. Он метался от одного люка к другому, в спешке отпирая дверные механизмы, но все открытые им люки оказывались фальшивкой: под ними не было убежища, лишь гладкая поверхность пола. А потолок медленно опускался вниз: сантиметр за сантиметром, с искусственным скрипом приближая неминуемую гибель. Семь, восемь открытых люков — безуспешно. Шанс открыть нужный затвор возрастал с каждой обнаруженной фальшивкой. И с каждой затраченной минутой расстояние между полом и потолком сокращалось. Двенадцать, пятнадцать — половина дверей открыта, но участник уже может коснуться потолка. Квентин спешит, просто мотаясь между ближайшими люками, не решаясь посмотреть вверх и увидеть, сколь мало времени у него осталось. Девятнадцать, двадцать — ему уже приходится передвигаться в полуприсядь. Двадцать пять — отпирать люки всё сложнее. На двадцать восьмом люке он понимает, что уже не сможет доползти до очередной двери и, прежде чем потолок с хрустом раздавит его тело, позволяет одинокой слезе разбавить струящийся по лицу пот...

— Какая неудача, ну что ж, а вот ещё один весьма занимательный персонаж. Чавис Уайльд — вор и аферист, менявший команды как перчатки, но таки обладающий достаточной харизмой, чтобы стать капитаном шайки бывших преступников. Разыскивается в сорока шести колониях, покоряет синтраж ради богатства и амнистии. Я удивлён, что он вообще смог удержать команду...

Чавис плывёт по комнате, наполовину заполненной водой. Ему то и дело приходится нырять, чтобы схватиться за поручни в полу, и не позволить искусственному течению снести его на торчащие в стене шипы. Вынырнуть, набрать воздуха и плыть дальше, быстрее, доводя себя до предела. Нырнуть и ухватиться за поручни как можно крепче, пока возобновляющийся поток не пройдёт. Вынырнуть вдохнуть, и продолжить плыть к спасительной кабине лифта. Снова прильнуть к поручням — течение пытается оторвать участника и швырнуть на шипы, но аферист выдерживает. Отдышаться, плыть дальше: плыть, пока поток не возобновится...

— Да, тут я согласен: не очень весёлое зрелище. Хотя... — организатор замолкает, когда на экране течение отрывает Чависа от спасительных поручней.

Участника тянет к стене, к метровым шипам, жаждущим окрасить воду в красный. Это конец... Или нет? Бывший преступник не привык сдаваться и, извернувшись во всеобъемлющем порыве выжить, успевает ухватиться за выступ в полу. Его пальцы каменеют от напряжения, вода заглушает крики отчаяния, течение, казалось бы, намеревается содрать с него кожу...

Поток ослабевает, и Чавис Уайльд вырывается на поверхность, чтобы глотнуть воздуха...

— Ладно, скажу по секрету — он выжил. Позволь лучше показать тебе человека, который смог сделать то, что тебе оказалось не под силу — Стефан Роз. В детстве получил рекомендации на прохождение обучения в академии службы безопасности, но был исключён ввиду нарушения психики после модификации. Но, так как совет правления не любит попусту растрачивать ценные кадры, то Стефану, получившему мод усиления, было предложена работа охраны в любой тюрьме Бездны на его выбор. Тогда ещё, будучи юношей, ему хватило ума сбежать из-

под контроля правления, и до того, как служба безопасности его хватилась, он уже покинул Тетра-Виа. Привык всего добываться силой, что и не удивительно. По сути, благодаря этому он и остался жив. Как видишь: в настоящее время дошёл до десятого уровня синтраж. Один из моих любимых идущих...

«Разорение гнезда». Миссия: разбить яйцо, охраняемое защитником. Стефан Роз сражался с защитником, за право разбить яйцо. Это было эффектно — грубая мощь против изощрённой техники. Он сражался до тех пор, пока весь покрытый ссадинами и кровоподтёками не смог оторвать гомункулу голову. Мод усиления позволил ему сделать это голыми руками. В пору биохимикам ликовать в своей победе над техно-физиками...

— Я знаю, о чём ты думаешь, не о том, что это нечестно. Ты хочешь знать: представится ли у тебя в будущем шанс столкнуться с ним в бою. Но что поделать, сегодня мы уже этого не узнаем. — Человек в белом, о чём-то задумавшись, откидывается на спинку кресла. — А теперь, позволь показать знакомого тебе участника, одного из финалистов «Ню Нова». Дилас Валентайн, бывший офицер космического дозора. Помнишь его? Да и не важно, давай лучше насладимся зрелищем. Ты наверно и не знал, что участникам «Ню Нова», прошедшим первый отбор турнира, дали транзит на третий уровень синтраж. Так он и смог тебя нагнать. И команду неплохую собрал. Ну да это всё мелочи...

«Попрыгунчик». Миссия — в течение двадцати минут избегать ловушек, реагирующих на прикосновение к полу. Бывший офицер Дилас не останавливался ни на секунду, продолжая избегать прикосновений смертоносного лезвия, он раз за разом взмывал в воздух. Уме это было знакомо. Спец-штурмовик явно успел принять пилюли перед испытанием, что увеличивало его шансы на выживание. Нет боли, нет усталости, просто механическое выполнение необходимого. Прыгнуть, сгруппироваться, приземлиться. И по новой. Казалось-бы, для бывшего дозорного это не составит труда, но что-то было не так: болезненная бледность покрывала его лицо, а в движениях прослеживаются паузы — столь опасная деталь в механизме его профессии...

Судья-организатор не мог не заметить внимание гостя к происходящему на экране:

— Ты наверно уже заметил, что твоему знакомому нездоровится. Да, это не первый раз за последние дни, когда он принял препарат. Передозировка взамен спасения товарищей: что может быть трагичней. Он слишком привык нести ответственность за подчинённых, слишком...

Он не чувствовал боли, не мог чувствовать, не чувствовал усталости, но негативный эффект таблеток давал о себе знать: бывшего дозорного трясло, тело слушалось с трудом. Состояние ухудшалось с каждой минутой, и в какой-то момент он запоздал с прыжком. Просвистело лезвие, но, только приземлившись и упав, Дилас понял, что лишился ноги.

По-прежнему не было боли, кровь скоро должна была остановиться, но не это было главной проблемой: из стены вот-вот вырвутся новые порождения стали, и они не замедлятся, не остановятся, они добьют раненого, прекратят его муки... Нет. Дилас не согласен умирать — офицер отталкивает от пола оставшейся ногой, руками, всем своим желанием жить и, избегая смерти, взмывает над лезвием ещё раз. Упасть, чтобы сделать это ещё раз, прыгнуть, не позволяя себе думать о смерти. И ещё раз, и ещё...

Оставалось совсем немного. Главное — не сдаваться, продержаться, и тогда его команда останется жива. Прыжок, ещё — калека боролся со смертью, понимая, что это борьба не физическая, и посему он не проиграет...

Кисти рук отваливаются. Нет, их отрезает, когда участник больше не способен поддерживать нужный темп. Не чувствуя боли, он даже не понял, что произошло... так естественно...

Нужно было вставать, но Дилас не может перестать смотреть на кровоточащие обрубки... Звук лезвия — инстинктивно прыгнуть, используя оставшуюся конечность, и почувствовать боль, при приземлении на обрезанные ноги. Ему больше нечем сражаться за свою жизнь...

Дилас лежал, дожидаясь своего конца, и конец не заставил себя ждать: раз, другой, третий — лезвие рассекает труп по всей его длине...

— Печально, — маска младенца, скрывающая лицо, изображает скорбь, — надеюсь, вы с ним были не очень близки.

— С кем?

— С Диласом.

— А это кто? — Ума сама невинность

— А ты всё шутишь, и это похвально, но кого ты пытаешься обмануть. Помнись, в день прибытия на остров ты хотел вывести бывшего дозорного из строя. Нет? Сказать: почему ты хотел это сделать? Потому что видел состояние бывшего соперника, ты знал, что он загнал себя в погоне за десятым уровнем. Отправить его в больницу было бы величайшим благом... Но увы — мы видим результат твоего бездействия.

— Хватит этих игр, Нулла. — Ума-змей теряет любое подобие эмоций. — Ты просто псих.

— Как и ты.

— Ахах, возможно, возможно. Но ты обещал, что после сердечных разговоров ты позволишь использовать моё самое сильно оружие.

— Обещал, да. И я позволяю. Можешь попытаться. То, что однажды уничтожит мир. Слово. Слово, что должно убедить меня отступить. Да, ты же так любишь забираться людям в голову, шептать, причинять боль, даже не касаясь. Пусть каждый обманывается твоей любовью к битвам, однако только словесная дуэль может иметь последствия невообразимых масштабов. Подтолкнуть к самоубийству, развязать войну — пустяки, по сравнению с тем, что делает с миром набор звуков, символов и изображений... Да, только чудовища вроде нас, что видят истинную природу чувств могут использовать обычное человеческое общение как оружие, и плевать, что чудовища вроде нас уже никогда не почувствуют себя людьми. Давай, ты можешь попытаться, используй на мне искусство, созданное твоим разумом, только учти, что это уже не обязательно, тебе не нужно тянуть время. Ты должен это делать, только если сам этого хочешь... — Организатор взмахом руки активирует трансляцию, — эти события происходят прямо сейчас...

На экранах показан остров. Клочок земли штурмуют боевые боты, спецотряды под предводительством офицеров нобилити десантируются в боевом порядке, врываются в здания, вскрывают двери и вытаскивают участников в такой слаженной манере, будто занимались этим всю свою жизнь...

— Это ещё не всё, — шепчет Ума, — участники ещё не в безопасности...

— Возможно, — кивает Нулла, — хоть штурмовая группа и отключила все устройства на

острове, есть вероятность, что я установил химический заряд, и могу подорвать эту провальную пьесу в лучших традициях каждой безумной постановки.

— И я должен убедить тебя не делать этого?

— Никто никому ничего не должен, Ума.

— Почему нас до сих пор не обнаружили?

— Почему? Ах, ты всё-таки идиот. Я знал, что они идут. Мы начали передвижение, как только ты прибыл в мой офис. Не моя вина, что полёт настолько плавный, что ты не можешь его ощутить. В настоящий момент вероятность того, что нас отследят — меньше чем сорок процентов: мы уже отлетели достаточно далеко.

— А если всё же отследят...

— То у меня есть заложник.

— Оставляешь козырь при любых условиях...

— А ты нет? Хо-хо, Ума, тебе не кажется странным, что только ты так яростно хотел встречи? Больше никто. И вместо того, чтобы разобраться со мной, как подобает монстру, ты хочешь решить всё мирной беседой. Если бы я тебя не знал, то решил бы, что ты тянешь время. Но зачем, если твои друзья мертвы? Или нет? Так позволь спросить: не ты ли стал причиной того, что ассоциация помешала нашей игре слишком рано. Не пришёл ли ты сюда, чтобы потянуть время? И не «убил» ли ты свою команду, зная, что я по доброте природной не трогаю трупы, чтобы живые могли с ними попрощаться? Давай, ты же хотел поговорить, хотел, чтобы я увидел картину под другим углом, ну так покажи мне мир своими глазами, Ума, вскрывай карты!

Взмах руки — экраны гаснут, чтобы не мешать беседе. Нулла ждёт. Уходит несколько секунд, прежде чем взгляд Умы меняется, и на его лице рождается улыбка. Искусственная улыбка змея девяти искусств — обязательная часть предшествующей размеренно-завораживающей манере речи. Юноша говорит, а где-то там, внутри, королевская кобра начинает свой танец. Слова льются, а змея раскачивается, распустив капюшон и заполняя собой всё доступное сознание... Привлечь, заморозить, успокоить...

— Всё началось, когда я узнал, что Вы спасли меня после финала чемпионата «Нью Нова». Это дало нам небольшое преимущество: в отличие от других команд мы точно знали, что десятый уровень нужно воспринимать как смертельную угрозу. Позже мы узнали, что некоторые команды пропускают по блату, не придерживаясь определённых правил синтраж, и это дало нам представление о Ваших возможностях. Мы знали, что намечается нечто особенное, однако и предположить не могли, что нас буквально выкрадут, под предлогом участия, и заставят выступать для одного единственного человека. Никто в здравом уме не станет устраивать такое шоу ради себя. И это было слишком смело — идти против ассоциации, не говоря уже о затратах и рисках. Но я решил перестраховаться, и когда за нами прилетели транспортировочные боты, я сообщил одной из информационных корпораций сведения о своём психотерапевте, а точнее о том, чья она дочь. А Вы до сих пор и не знаешь, с кем недавно говорили, маэстро, и это не делает Вам чести. Её окружение Вас бы сильно удивило. Что говорить, если одно её имя стоит миллионы... Эта информация должна была не просто поднять шумиху, а заставить всех информационных агентов планеты меня искать. Возможно, это и послужило причиной того, что остров обнаружили раньше срока. Так как Вы распланировали испытания на несколько дней, то это место и должны были искать несколько дней. А значит:

найди ассоциация нас раньше, и у нас появился бы шанс покинуть остров без лишних потерь. И вишенкой на торте стало банальное предположение, клише, что мы можем оказаться в ситуации, где членам команды придётся сражаться друг с другом. Поэтому мы тренировались, мы изучали друзей тщательнее любого врага, и условились, что при необходимости будем сражаться, почти не сдерживаясь. Док вживил нам пилюли, что могли симитировать состояние смерти, а Винсент использовал против нас резиновые пули, я с Тессой переборщил, конечно, но она крепкая девочка, выдержит. Думаю, больше временной контузии никто не заработал. С капитанами нашего блока, признаюсь, было посложнее — пришлось импровизировать. Если им не окажут своевременную помощь — умрут... если уже не мертвы. Мне оставалось только надеяться на аудиенцию с Вами, организатор, чтобы использовать свой навык убеждения. Конечно, всё прошло не идеально, но пока мы живы — я буду придерживаться плана...

— Как ты мог, Ума? — личина замирает в ужасе, — я по доброте душевной вышел из тени, чтобы спасти тебя на турнире, а ты использовал это против меня? Прервал веселье... Как низко... Всё-таки, придётся тебя убить. Или нет? Может, будет достаточно смерти твоих друзей?

— За это нижайше прошу прощения, уважаемый организатор, — Змей холоден, Змей скользок, Змей полон сарказма — но я ещё не закончил.

— Что-то ещё?

Во взгляде Умы загораются озорные огоньки. Королевская кобра делает выпад, чтобы медленно и плавно вернуться на место. Ещё, ещё — змея бросает своё тело из стороны в сторону, расшатывая сознание и даруя холодной улыбке всю имеющуюся у неё власть.

— Во-первых, я бы не стал так опрометчиво называть моих друзей моими друзьями. Во-вторых, это всё какая-то хрень собачья, а не веселье. Где истинные страдания выбора? Где вынужденные сражения? Вы совершенно не постарались придумать что-нибудь достойное. Истинное удовольствие наблюдать, как двум привязавшимся друг к другу людям приходится сражаться насмерть. Я бы сказал, что вы слишком добры, раз ради своего плана просто не убили всех участников, но это была бы та ещё чушь, мы ведь не убиваем не поэтому.

— Вот оно, — маска начинает смеяться. — Ты сказал это, ты говоришь о моём плане. Ты думаешь, что что-то увидел, почувствовал, раскрыл?

— Раскрыл? Куда мне идиоту, я просто предположил.

— Давай же, порази меня, пока я ещё хочу быть поражён...

Ума в напряжении сжимает левой рукой правый кулак. Где-то внутри кобра застыла перед мангустом. Она знает, что проиграет, и опускается вниз, в пучину хаоса решений. Королевский вид убирает капюшон, и кобра перестаёт быть собой. Гадина смотрит на угрозу, и её хвост приходит в движение. Треск отвлекает врага, треск позволяет сделать выпад. Гремучая змея должна превзойти всё, что есть у истребителя гадов. Она должна...

— Вы очевидно имеете доступ к базе данных «идуших», обладаете достаточными средствами и властью, чтобы выкрасть две сотни участников, перенаправив их в нужное вам место так, что никто и не заподозрил. Вы не смогли бы этого сделать, не будь вы вхожи в ассоциацию «Нобилити». Более того, я уверен, что вы один из высших офицеров, если только уже не покорили синтраж, и вхожи в доверенный круг председателя.

— Дальше... — стонет организатор.

— Вы просто привлекаете внимание, зная, что именно по этим характеристикам Вас и будут искать. И раз Вы подставляете себя под удар, то уверены, что сможете переиграть всю ассоциацию и выйти сухим из воды. Вы и вправду развлекаетесь, но не здесь, наблюдая за нашими смертями, а среди офицеров, дожидаясь, пока кто-нибудь достаточно гениальный не сможет понять, увидеть, раскрыть... Вероятно, просто прохождение для Вас уже слишком скучно, чтобы удовлетворить Вашу жажду. Вам настолько скучно, что вы готовы баламутить пруд размером с целый мир. Даже не удивлюсь, если предыдущий председатель ушёл в отставку именно из-за Ваших теневых действий. Проблема только в том, что, подвергая опасности молодых участников, Вы лишаете меня возможного развлечения. Ломаете мои потенциальные игрушки. По крайней мере, я уважаю, что нам дан шанс выжить и стать сильнее, чтобы, дойдя до высших уровней синтраж, мы смогли попытаться отыскать Вас и излить всю ту ненависть, что Вы же и породили...

— Ммммм, — стонет Нулла, — мимо или не мимо? Что ж, если ты прав, то убийство лишней сотни участников пойдёт мне только на пользу...

— Столько людей, столько сюжетов. Это будет равноценно незаконченной рукописи, недописанной картине, прерванной пьесе.

— Зато, какая мотивация мести по отношению ко мне. — Маска на время меняет голос организатора, — ...и через долгие годы он, наконец, стоит над человеком, что однажды отобрал у него всё. Нога ступает на маску, чтобы та с хрустом разлетелась на куски, рука хватается безумца за волосы, чтобы оторвать голову от земли и взглянуть в глаза скрывающие причины каждой смерти. Окровавленное лицо безумца искрится вариацией чувств, губы изгибаются в подобии улыбки. Время мести...

— Как поэтично, маэстро, но, боюсь, мои ответные действия могут быть настолько непредсказуемыми, что я даже могу ничего не сделать в ответ, зная, что это причинит Вам наибольший моральный ущерб...

— Не смешно. — Говорит организатор, хотя его маска и смеётся, — но в твоих словах есть резон.

— Всё довольно просто. Я лишь лишь предлагаю выход, где мы все окажемся в выигрыше...

— Мы так и не выяснили: какая из команд новичков лучшая... — кажется, Нулла на самом деле расстроен.

— Я понимаю. За это прошу прощения. Но я обещаю, что отпусти Вы нас сейчас, и однажды мы придём за Вами и разгоним Вашу скуку. Мы вычислим, кто такой Нулла: не я, не Тесса, не Иола — мы сделаем это все вместе, потому что в одиночку у нас не будет шансов. И когда мы Вас найдём — я пройду через любого, только чтобы снова оказаться с Вами наедине, и самолично одарю всем арсеналом боли, что я могу предоставить. Пусть победит тот, кто окажется большим чудовищем...

— Жаль, как жаль, что тебе ещё предстоит пройти долгий путь, прежде чем ты сможешь до меня дотянуться... Однако это звучит лучше, чем ничего...

— Рассматривайте нас как долгосрочные вложения, маэстро. Ассоциация уже взбешена, так что Вам нет нужды жертвовать потенциалом остальных участников. Вы будете продолжать играть в свои игры — я буду играть в свои, и кто знает, быть может, мы ещё услышим о победах

и поражениях друг друга.

— Да. Да. Нет. Да. Нет, — маска не может определиться, какую из эмоций показать, — на счёт игр: как ты собираешься наладить отношения с психотерапевтом?

— Отправлю изображение моей команды, живой и жизнерадостной. Расскажу, чем закончилась моя жизнь на Парке. Думаю, что этого будет достаточно.

— Убить всех, но оставить тебя в живых? Ты обидишься и не захочешь со мной играть. Или убить только тебя? Но тогда я не узнаю, чем закончиться сюжет с терапевтом. Ох уж эти диалоги, где каждая сторона лжёт, пытаюсь вытянуть секрет собеседника — я бы посмотрел, чем он закончится. Может, не убивать никого? Или убить вообще всех? Может убить себя? Только себя или нет? — Внезапно организатор смеётся, не маска, смеётся именно организатор. — Ахах, да я шучу! Шучу! Понимаешь? Шучу! Так и быть, Ума, я дам вам шанс. Можете попытаться достигнуть моего уровня. Идите сквозь Бездну, ломайте правила, покоряйте уровни, сделайте своё путешествие незабываемым, но помните: за горизонтом событий вас ждёт Нулла... А теперь — спи...

Уму начинает клонить в сон. Голова становится невыносимо тяжёлой, веки слипаются. Юноша понимает, что больше не может оставаться в сознании. Слова организатора становятся затянутыми и тяжёлыми. Слова усыпляют, заканчивая аудиенцию. Слова — это последнее, что можно разобрать во мраке сна:

— Не разочаруй меня, мальчишка...

030

На поляне было спокойно. Парень сидел, опёршись о борт корабля, и срывал травинки. Он отбирал у растений право на жизнь, тем самым убивая время и даже не задумываясь о причинах своих действий. Будто чего-то ждал... Или кого-то...

Кто-то появился довольно скоро: мелькая одиноким силуэтом, из чащи появился мужчина, мягкими шагами вышел на поляну и направился к ожидавшему его ученику. Слегка упитанный, лысоватый, с круглыми мягкими чертами лица гость приближался к кораблю, не излучая и толики опасности.

Ума продолжил сидеть. Парень не поднялся, чтобы проявить уважение к старшему, не сказал ни слова, и даже не посмотрел на учителя. Живого учителя из плоти и крови, а не программное сознание корабля. Учителя, что прибыл слишком поздно...

— Мне жаль, что всё так вышло... — мягкий голос наставника не позволяет ученику увидеть в нём причину всех бед, и от этого становится ещё больнее. — Я прибыл, как только смог, Ума... Мы ведь ещё не встречались лично, но я наблюдал за твоим прогрессом... вашим прогрессом...

Парень всхлипывает, уткнувшись в колени и кляня себя за свою слабость. Он хочет закричать, выплеснуть всю боль, что скопилась у него внутри, он хочет, чтобы учитель страдал так же, как страдали они... Но он не может: плач забивает горло порциями невнятных завываний, плач заставляет трястись, будто что-то хочет вырваться наружу...

— Я знаю, что тебе нелегко. Я тоже терял друзей. Я терял гораздо больше, чем друзей. Но это не конец. Я предлагаю тебе дальше пойти своим путём. Я понимаю, что ты больше не можешь тренироваться под моим началом. Знаю, что ты не соединишься к сети Ун, что отречёшься от такого бесполезного учителя как я. Но также я знаю, что ты уже не вернёшься к

нормальной жизни. Особенно — жизни здесь...

Плач прекращается так же внезапно, как и начался. Тело устало от периодически появляющейся необходимости снятия стресса. Больше нет слёз, соплей и завываний. Остаётся только дрожь. Дрожь, перерастающая в тряску. И кашель... нет, не кашель — смех. Подобие смеха сменяет слёзы, смех одерживает вверх...

— Я купил тебе билет до одной из колоний Кросса. Там расположен филиал академии боевых искусств. Ты немного староват для вступления в академию, однако я попросил тебя принять. Там ты сможешь продолжить обучение и тренировки. Определишь свой жизненный путь... Ты в порядке?

— Да, учитель, — Жнец выдавливает улыбку, — я в порядке. Поскорее бы туда попасть...

Во взгляде лучшего из учителей промелькнуло сомнение, однако ничего лучше сейчас он предложить не мог. Оставалось верить в своего ученика... Слабейшего, но лучшего из учеников.

<http://tl.rulate.ru/book/8500/202221>